

ГЛАВА 1

— Простите, — пробурчала я себе под нос и извиняюще посмотрела на свою клиентку. — Простите, ради бога... Я и сама не знаю, как это получилось. Я немного задумалась. Самы знаете, как это бывает. Делашь одно, а думаешь совсем о другом...

Девушка открыла глаза, слегка приподнялась и испуганно уставилась на нижнюю часть своего живота.

— Кровь... — произнесла она каким-то дрожащим и перепуганным голосом.

— Кровь, — обреченно подтвердила я, но тут же постаралась взять себя в руки и в корне исправить ситуацию. — Ничего страшного. Сейчас я слегка прижгу, и все моментально заживет. Это бывает...

— Мне больно! — взвизгнула малоприятная клиентка. — Вы сделали мне больно...

— Я же извинилась.

Взяв марлевый тампон, я намочила его антисептиком и приложила к сочащейся кровью ранке.

— Потерпите, сейчас от вашей царапины не останется и следа.

— Не от моей царапины, а от вашей. В конце концов, вы мне ее сделали. Я плачу такие деньги не для того, чтобы вы мне тут весь лобок искромсали.

«Ну это она загнула», — отметила я про себя и с трудом удержалась от того, чтобы не сказать своей клиентке какую-нибудь гадость. Можно подумать, она в своей работе делает все гладко и чисто. Хотя... Мои клиентки редко когда работают. Они так устроили свою жизнь, что работают на них. Мужья, богатые любовники.

А они... Они убивают время в косметических салонах, бассейнах, дорогих магазинах и в беседах с такими же скукающими подругами...

— Я не кромсала ваш лобок. Я всего-навсего задела ваши половые губы, — произнесла я все тем же монотонным и совершенно спокойным голосом.

— Какая разница.

Не вдаваясь в бессмысленную дискуссию, я ухмыльнулась и даже подумала о том, что, по большому счету, я ни в чем и не виновата. Просто половые губы у этой истерички какие-то нестандартные. Большие такие... Как уши у слона... Это же надо уродиться с такими губами.

Хотя об этом ей лучше не говорить, а то напишет жалобу, разорется на весь салон. Знала бы она, что с такими губами, как у нее, трудно работать даже профессионалу.

Я бы на ее месте вообще раздевалась только при полной темноте и забыла раз и навсегда, что такое интимные стрижки.

В тот момент, когда моя работа подходила к концу, девушка вновь приподнялась и уже в который раз попыталась выразить свое недовольство.

— Между прочим, существует закон о защите прав потребителей.

— Надо же, — хмыкнула я.

— Я потребитель и могу через суд потребовать с вас моральный ущерб...

Посмотрев на скандалистку пристальным взглядом, я произвольно улыбнулась и подумала о том, что ей просто хочется поругаться. Наверно, от скуки. На ее лице читалась какая-то злость и неудовлетворенность. А тут есть такой повод выплеснуть свои эмоции...

— Вы хотите подать на меня в суд?

— А почему бы и нет?

— Тогда вам придется показывать свой стриженный, сексуальный лобок адвокату, судье, заседателям. Вам это очень хочется?

Немного помолчав, я встала со стула и посмотрела на разрисованный лобок.

— Дело сделано. По-моему, получилось очень даже ничего. Очень экстравагантно. Ярко насыщенные тона. Я думаю, что вашему мужу понравится. Выбритый лобок в форме ярко-оранжевого паука, запутавшегося в серебристой паутине. Если я не ошибаюсь, то в прошлый раз мы с вами делали пасть тигра.

— Надо же, вы и это запомнили.

— Я помню все свои творения и всех своих клиентов.

Открытая пасть тигра была одной из моих самых лучших работ.

— Учитывая то, что у меня в этот же день пошли месячные, — засмеялась клиентка. — Муж как увидел, что из пасти тигра идет кровь, так чуть сознание не потерял. Сказал, что я со своими экспериментами сведу его в гроб. Кстати, ваши та-туировки долго не продержались. Все посмывалось.

— Оно и понятно. Это же биотатуировка.

— А по мне какая разница, био или не био.

— Разница большая. Биотатуировка делается хной. А хна, сами понимаете, краска нестойкая. Мы же делали не повседневную прическу, которая может держаться около двух месяцев, а нарядную, дополненную блестками. Если вы хотели, чтобы все это держалось подольше, нужно было сделать пирсинг. Но это стоит дороже.

— У меня нет проблем с деньгами. У меня есть проблема с сексуальной фантазией моего мужа.

Клиентка тяжело вздохнула и принялась одеваться.

Одеваясь, она кидала в мою сторону заинтересованные взгляды и, по всей вероятности, усиленно о чем-то думала.

— А вам ваша работа нравится? — как-то ехидно спросила она.

— Нравится, — произнесла я голосом, полным вызова. — А в чем, собственно, дело?

— Просто работенка у вас какая-то странная...

— Не вижу ничего странного.

— Я совсем не хотела вас обидеть, — смутилась клиентка, уловив мое нарастающее недовольство. — Ваша работа очень редкая, только и всего.

— Если она редкая, то это не означает, что она непристойная и даже запретная. В нашем салоне от клиентов отбоя нет. «Бикини дизайн» уже всюду развивается в России, а это значит, что появляются все новые и новые стилисты интимных причесок и специалисты медицинского пирсинга... Правда, в этом ремесле еще не так много квалифицированных мастеров.

— А вы хорошо зарабатываете? — никак не унималась клиентка.

— Не жалуюсь, — резко ответила я и дала понять, что разговор окончен.

Неожиданно девушка села на стул и судорожно всхлипну-

ла. Я посмотрела на нее перепуганным взглядом и вытянулась вдоль стены, как стойкий оловянный солдатик.

— Что с вами?

— Простите. Это просто нервы. Проклятые нервы. Дело в том, что в последнее время они очень сильно сдают. Я перестаю себя контролировать.

Почувствовав какое-то замешательство, я взяла марлевый тампон и протянула своей клиентке.

— У вас потекла штукатурка. И довольно сильно.

— Да бог с ней, со штукатуркой. — Девица подняла голову и слегка улыбнулась. — И это называется водостойкая тушь! Господи, сколько бы денег я ни тратила на косметику, какую бы тушь ни приобретала, результат налицо... Вы уж меня простите, за то, что я немного не сдержалась...

— Ничего страшного. Плачьте сколько вам влезет, — немного растерянно пробурчала я и отошла от стены. — Сейчас время такое. Нервы у всех ни к черту. У меня у самой такое часто бывает. Недавно была депрессия. Думала, вообще загнусь. Жутковатая штука, скажу я вам. Но ничего, выкарабкалась.

— А по вас и не скажешь, что у вас может быть депрессия...

— По вас тоже не скажешь, что вы можете расплакаться ни с того ни с сего.

Повертевшись у зеркала, девушка вытерла потекшую косметику и как-то робко спросила:

— Простите, а как вас зовут?

— Анна, — в который раз растерялась я.

— А меня Лида. Мы с вами уже не в первый раз общаемся, а имен друг друга не знаем. Анна, вы хотите, чтобы я побыстрее ушла? К вам сейчас придет новая клиентка? Мне нужно освободить кабинет?

— Да нет... У меня сейчас будет обеденный перерыв. А после обеда ко мне записан мужчина, но это еще через два часа.

— Мужчина?!

— Мужчина, а что тут странного?

— Разве мужчины тоже делают интимные стрижки?

— Еще как. Даже чаще, чем женщины. Конечно, мои клиенты в основном люди далеко не бедные, но среди них можно встретить и обыкновенного учителя математики, и продавца с Горбушки. Мужчины любят такие изображения, которые символизируют их мужскую силу. Например, огромный бык,

корабль, красивый автомобиль или якорь. Если женщины любят листать каталоги и тщательно выбирать готовый рисунок, то мужчины предпочитают вообще не брать в руки каталог, а приходят с уже сфантазированными эскизами. Наша жизнь становится современнее, и сегодня для мужчины сделать интимную прическу так же естественно, как нанести на колку на плечо.

— Господи, и кто бы мог подумать... Совсем мужики сдурели.

Посмотрев на часы, я скинула тапочки и сунула ноги в туфли.

— Лида, я прошу прощения, но я бы хотела пообедать. Мой клиент может прийти раньше, и тогда я останусь голодной до самого вечера.

— А где вы обедаете?

— В соседнем здании есть довольно уютное кафе.

— Так может, пообедаем вместе?

— Как хотите...

Через двадцать минут мы сидели в кафешке и дружно просматривали меню. Приступив к обеду, я потупила на Лиду глаза и заметила, что она сильно нервничает. Странная особа, вновь отметила я про себя и засунула в рот довольно приличный кусок бутерброда. С того самого момента, как мы сели за стол, я поняла, что Лида совершенно не голодна, и несколько не удивилась, когда моя новая знакомая судорожно отодвинула от себя тарелку с супом.

— Что, невкусно?

— Дело не в этом. В последнее время я очень мало ем. Скаывается нервное напряжение.

— Это вы зря. Нервы и голод могут привести к упадку сил, а это повлечет за собой различные болячки.

— Понимаете, я пришла сюда не для того, чтобы обедать...

— А для чего?

— Я хотела предложить вам одно дело.

— Мне?! Дело?! — От изумления я выронила ложку, но тут же постаралась взять себя в руки и сделала невозмутимое выражение лица. — Какое еще дело?!

Моя странная клиентка занервничала еще больше и застучала своими длинными и тонкими пальцами по столу.

— Я вам заплачу. Вы не переживайте, я не задарма. Я вам хорошо заплачу. У меня есть деньги. У меня очень состоятельный муж...

Я подозрительно посмотрела на девушку и подумала о том, что она не в себе. Странно, на вид вполне приличная и милая особа... Девушка не оставила мне времени для того, чтобы подумать над ее словами, и продолжила:

— Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Вы можете продолжать обедать дальше... Вы ешьте, а я буду вам рассказывать...

— Вы перебили мне аппетит, — глухо проговорила я и, отодвинув тарелку с супом, стала вяло ковырять вилкой в зеленом салате.

— Извините. Я не хотела. Понимаете, я рано вышла замуж. Даже слишком рано. Эдакой зеленой и несмышленной девчонкой. Я ведь еще тогда ничего не видела в жизни. Вообще ничего. Я только что закончила школу, поступила в институт и жила со сварливой матерью в однокомнатной хрущевке. По вечерам я сворачивалась калачиком, закрывала глаза и, слушая многочисленные упреки матери, мечтала о сказочном принце.

Я представляла его добрым и щедрым, ласковым и одновременно сильным. Он должен был забрать меня из родительского дома и поселить в своем роскошном замке. Не закончив и первый курс, я бросила институт.

Просто не захотела учиться, и все. Материнская ругань становилась еще сильнее. Мать называла меня неудачницей, говорила, что я точная копия своего отца, который ушел к другой женщине, что я похожа на чучело, что у меня ничего не получается и я делаю все только хуже, за что бы я ни бралась... что у меня длинный нос, глаза навывкате и слишком большие уши... что у меня сутулая спина, как у восьмидесятилетней старухи, что я стаптываю каблуки, косолаплю, а ножища у меня, как у здорового мужика.

В тот момент, когда девушка замолчала и тихонько всхлипнула, я по-прежнему не смогла отвести от нее глаз и никак не могла понять, на кой черт она мне все это говорит.

— От постоянных упреков матери я испытывала просто чудовищный комплекс неполноценности и, выходя на улицу, озиралась по сторонам, — вновь продолжила девушка. — У меня не было ни подруг, ни друзей, и от этого мне хотелось кричать на весь белый свет и биться головой о стенку. Я была одинока. Господи, вы даже не можете себе представить, как я была одинока. Мой дом стал для меня тюрьмой, а моя мать самой настоящей надзирательницей. Я страшно замкнулась в

себе и, прослушав очередную ругань матери, клала на голову подушку в надежде хоть как-то заглушить этот пронзительный крик. Однажды я вышла из бюро по трудоустройству и пошла по тротуару, ведущему к набережной Москвы-реки. Неожиданно мне посигналила машина.

Я оглянулась и увидела глазастый «Мерседес». Понимаете?! Вы хоть понимаете, что такое глазастый «Мерседес»?!

— Понимаю, — не растерялась я. — Правда, я никогда на таком не ездила, но половина моих клиентов ездят именно на глазастых «мерсах».

— Нет, вы не поняли, что в этот момент почувствовала я. Ведь правду говорят, что на свете не бывает некрасивых женщин. Есть женщины, которые не хотят быть красивыми. Моя мать поработала над тем, чтобы я считала себя ничтожеством, и сделала все возможное для того, чтобы я перестала себя уважать. Это очень опасно — потерять уважение к себе. Я ведь была девственницей. Тогда я и мужика-то голого никогда не видела. Со мной ни один парень на улице никогда не заговорил, а тут такая машина остановилась... На меня ведь даже «Запорожцы» никогда в жизни не реагировали, а тут такой «мерс» подрулил. И не просто остановился. Из него высунулся мужчина и предложил меня подвезти... Моя первая реакция была просто смешной. Я перепугалась и чуть было не бросилась бежать со всех ног... Но мужчина был настойчив... и я села в машину.

Девушка произнесла эти слова так, будто она тогда совершила смертный грех. Посмотрев на меня своими большими и какими-то сумасшедшими глазами, она перевела дыхание и продолжила:

— Вы никогда не сможете представить, что я почувствовала в тот момент, когда села в машину. У меня закружилась голова и все поплыло перед глазами. Кожаный салон, магнитофонная панель последней модели, дорожные и вкусно пахнущие автомобильные духи... Да и мой новый знакомый выглядел довольно прилично и, к моему величайшему удивлению, вел себя совершенно спокойно и совсем не походил на наглеца или хама. Как только мужчина заговорил о знакомстве, я залилась краской и не знала, куда деваться от стыда. Играла современная музыка, а за окнами виднелся шумный и многолюдный проспект. Море разноцветных огней, рекламные щиты, дорогие здания, снизу доверху напичканные евроремонт. Я ехала открыв рот и чувствовала себя на

вершине блаженства. А затем... он пригласил меня в ресторан... Я и в ресторане-то ни разу не была и даже не умела толком обращаться с вилкой и ножом. В тот момент, когда он сказал, что я самая красивая, я поняла, что всем моим комплексам пришел конец. Словно их никогда и не было... Словно я всегда считала себя самой обаятельной и привлекательной. К концу обеда я уже не видела мужчину, которого страшно стеснялась, я видела принца из сказки, который встретил меня для того, чтобы спасти от всех бед и несчастий. А затем... Затем он стал мне звонить каждый день. Мы стали ходить на презентации, в театры. Денис оказался не таким жадным, как большинство нынешних богатеньких буратино. Он баловал меня косметикой, красивыми нарядами и дорогими украшениями. А еще он давал мне деньги, и я могла ими распорядиться по своему усмотрению. Но самая главная фишка состояла в том, что мой кавалер был холост. А это значит, что в наших с ним отношениях маячило будущее. Таких мужчин, как он, всегда подбивают на взлете в тот момент, когда они только начинают ковать свой первый капитал. Подбивают и окольцовывают. А этот оказался свободным. Видимо, фортуна просто повернулась ко мне лицом и решила вознаградить меня за все мои страдания.

Девушка достала платок и вновь смахнула выступившие слезы.

— Извините, это опять нервы. А может, и не нервы, а накопившиеся эмоции. Вы, наверно, устали от моего рассказа. Я постараюсь говорить как можно короче...

Просто я уже тысячу лет ни с кем не разговаривала на подобную тему. В общем, мы поженились. Свадьбы настоящей у нас не было. Все было очень скромно и до неприличия скрытно. Денис сделал предложение, и я согласилась. Затем он дал взятку начальнице ЗАГСа, и она зарегистрировала нас в этот же день. Правда, через пару дней мы улетели на Кипр и провели там две недели любви и настоящего счастья. После свадебного путешествия наступили самые что ни на есть серые будни. Вы, наверно, не раз слышали о золотой клетке, так вот именно в такую клетку я и попала. Большинство женщин мечтают о ней до тех пор, пока в нее не попадут, а как попадут, то стонут и не знают, как вырваться обратно на волю. Я стала какой-то безразличной, потеряла интерес к жизни... Мой муж не пускал меня в свой крут общения и жил только своими проблемами, которые никак не хотели пересе-

каться с моими. Когда мне становилось особенно тяжело и на меня нападала хандра, я тупо бродила по квартире и незаметно для себя стала прикладываться к спиртному. Именно в нем я находила настоящее утешение и успокоение. А затем мы стали реже спать вместе... Муж приходил нервный и раздражительный, ложился на диван и засыпал за чтением газет у экрана работающего телевизора. Я бесшумно выключала телевизор и думала о том, что мой муж относится к той категории людей, для которых работающий телевизор служит чем-то вроде сильного снотворного. Ему было все равно что смотреть: новости, политическую передачу или программу «Спокойной ночи, малыши». С каждым днем мы отдалялись все больше и больше, и я не знала и совершенно не могла взять в толк, кто же в этом виноват. Быть может, был виноват Денис, потому что он был занят только своими делами и воспринимал меня лишь как кухарку и домработницу... А быть может, была виновата я, потому что целиком и полностью замкнулась на семье и подчинилась своему мужу, как настоящая рабыня. Мы не только спали в разных постелях, мы жили различной жизнью...

Знаете, это очень страшно — жить в семье и быть одинокой. Я чувствовала, что просто схожу с ума от того, что целыми днями я оставалась одна. Да и не только днями... Мне хотелось поплакаться матери, но она бы только посмеялась и опять стала бы меня пилить. Мне хотелось позвонить друзьям и поискать утешения у них, но я с ужасом подумала о том, что у меня нет друзей.

Наверно, если бы даже я умерла, никто бы не пришел на мои похороны. Никто, кроме матери и моего мужа. Казалось бы, они такие близкие и в то же время такие далекие... Целыми днями я мечтала о настоящей подруге, с которой можно пойти в бар и потрепаться, развеяв сумасшедшую скуку. А затем... Затем я стала не только выпивать, но и курить. Это помогло убивать время, топить разум и не заботиться о самообладании. В общем, если на душе было паршиво, я наливала рюмку виски и закуривала сигарету.

Моя клиентка вновь замолчала и нервно скомкала свой носовой платок.

— Простите, а у вас много друзей? — задала она совершенно неожиданный для меня вопрос.

— Вы знаете, я не москвичка, поэтому все мои друзья остались в моем родном городе... Но здесь я уже обзавелась

связями. Я не страдаю от одиночества и не ищу утешения в пьянстве.

В глубине души я не хотела казаться резкой, но ничего не могла с собою поделывать. То, что девушка хотела выговориться и облегчить душу, не вызывало у меня никакого сомнения, я просто не понимала, почему для этого она выбрала именно меня. Даже если у нее отсутствует круг общения, она может выговориться у своего парикмахера, стилиста, массажиста или инструктора по плаванию, но почему она решила это сделать у мастера интимных стрижек?! Неужели я внушаю ей такое доверие?

— А однажды я встретила его, — произнесла девушка каким-то испуганным голосом и посмотрела на меня такими глазами, что я даже не знала, что же можно в них прочитать: то ли безграничное счастье, то ли холодный, пронизывающий душу страх.

— Кого его?!

— Сашу... Мы встречаемся уже год. За этот год многое изменилось. Я почувствовала себя счастливой и узнала, что такое настоящее чувство.

— Вы завели любовника?

Поняв, что мне не придется сегодня пообедать по-человечески, я пододвинула компот и в упор посмотрела на свою клиентку.

— Ну, не завела... — смутилась она. — Заводят собак, кошек и еще всякую живность... — Я встретила любимого человека. Саша моложе меня. Я ехала на своей машине. Было холодно. Снег, сильный ветер. Саша стоял на остановке и прыгал, чтобы хоть как-то согреться. Я посадила его в машину и повезла в кафе накормить горячим обедом.

— Он что, жиголо, что ли?

— Нет, что вы. Он не жиголо и никогда им не был. Он студент. Учится в университете. Он будущий журналист. Сами знаете, как сейчас тяжело студентам. Он жил в общежитии, а по утрам, до занятий, подрабатывал дворником. Вставал в пять утра и мел территорию, получая за это две тысячи рублей... Он приехал издалека. С Камчатки.

— Откуда?

— С Камчатки.

— А что, поближе университета не было?

— Дело не в этом. Просто Саша всегда мечтал жить в Москве. Он думал получить здесь образование и обязательно

устроиться на работу. Понимаете, я совсем потеряла вкус к жизни после десяти лет брака, а теперь вновь его обрела. Эти десять лет пролетели словно один день... Прошли самые лучшие годы моей жизни, и самое страшное, что они прошли мимо меня. Я только начала жить. Хотя мне уже двадцать девять. Мой муж никогда меня не обидел, не сказал плохого слова и не сделал ничего такого, за что бы я могла его ненавидеть. Он просто меня игнорировал. Десять лет. Он жил со мной безразлично десять лет. Это очень много. Очень. И мне страшно оттого, что мы могли так прожить всю жизнь в полнейшем безразличии и непонимании. С Сашей все по-другому. Он чуткий, нежный, страстный... Он очень сильно меня любит. Если бы кто-нибудь раньше сказал мне о том, что я встречу мужчину моложе себя, я бы никогда не поверила. Но это произошло. Вы знаете, когда очень сильно любишь, разница в возрасте совсем не чувствуется. Нисколько. Да и разница у нас не такая большая. Он совсем не похож на мальчишка, он выглядит намного старше. Мы словно ровесники. Ему двадцать. Боже мой, ему всего двадцать! Но у любви нет преград. Нет и никогда не было. Я сняла для него квартиру, но он по-прежнему наведывается в общежитие. Там у него своя студенческая жизнь...

Лида вытерла платком слезы и, после того как успокоилась, продолжила:

— Это опять нервы. Просто я очень сильно люблю и ничего не могу с этим поделать. Вы уж простите меня за эмоции. Мысли путаются. Вы первая, кому я высказалась за эти долгие десять лет. Столько всего накопилось. И усталость, и волнение...

— Я не могу понять, чем я могу вам помочь? — Я почувствовала, как сильно застучало мое сердце, и опустила глаза. Я вообще не понимала, почему я должна переживать за чужие проблемы, если у меня целая куча своих. В конце концов, у этой дамочки богатый муж и немудрено, что на почве богатства она просто поехала головой. Я никогда не понимала этих жен новых русских, которые замертво оседают в упакованной квартире и начинают вести самый настоящий паразитический образ жизни. Глядя на их лица, даже не веришь в то, что когда-то они были веселыми, целеустремленными и добродушными. Чаще всего эти лица скрыты под толстыми жировыми складками и потухшими, ничего не говорящими глазами. Остается только развести руками и недоумевать то-

му, куда все подевалось. Женщина должна жить для себя, а не для мужа, подчиняя его интересы своим собственным. Вот если бы у меня был не муж, а самый настоящий денежный мешок, я бы наворотила таких дел... Я бы открыла собственный косметический салон... Я бы...

— Вы должны мне помочь избавиться от мужа, — неожиданно произнесла девушка и посмотрела на меня своими опухшими от слез глазами.

ГЛАВА 2

— Что вы сказали?! — не поверила я своим ушам.

— Вы мне должны помочь избавиться от мужа, — повторила девушка все тем же голосом.

— А почему именно я?!

— Я же вам уже объясняла, что у меня нет ни друзей, ни подруг. У меня вообще никого нет. Никого, кроме Сашеньки.

— Но я вам тоже не близкий человек...

— Вы очень красивая. Вы яркая. Вы тот тип женщины, который обожает мой муж. По моим расчетам, он будет от вас без ума.

— Ах, по вашим расчетам... Так вы уже все рассчитали.

— Я вам заплачу. Я вам очень хорошо заплачу.

Протерев потный лоб, я перевела дыхание и вновь посмотрела на девушку. У меня даже проскользнула мысль, что она сумасшедшая. Ну конечно, и как я сразу не догадалась! Ну кто еще может предложить такое первому встречному!

— Вы знаете, я не киллер. Я всего лишь работаю в салоне интимных стрижек. Я делаю различные интимные прически, приношу людям радость, но ни в коем случае не избавляю от надоевших мужей. Я не убийца и никогда не убью человека, какие бы мне деньги за это ни предлагали.

— А с чего ты взяла, что ты должна убить моего мужа? — Неожиданно для нас обеих девушка перешла на «ты».

— Но ты же сказала, что хочешь от него избавиться...

— Избавиться — это не значит убить. Я хочу, чтобы ты расстроила наш покладистый брак.

— Как это?

Лида тяжело задыхалась и заговорила возбужденным голосом:

— Понимаешь, он любит жгучих брюнеток с утонченны-

ми чертами лица. Ты именно та женщина, мимо которой он никогда не пройдет. Я понимаю, что он не импотент и гуляет от меня на сторону, но не пойман — не вор. Я пытаюсь уличить его уже год, но все тщетно. Он очень осторожен.

— Ты хочешь, чтобы я переспала с твоим мужем?! — Я почувствовала, как у меня вдруг закружилась голова, и чуть было не свалилась со стула.

— Очень хочу, — словно вареный рак, покраснелась девушка.

Последовало недолгое молчание, и мне даже показалось, что я потеряла дар речи. Я по-прежнему смотрела на свою клиентку и надеялась на то, что она извинится и скажет, что ее последние слова всего лишь глупая и неуместная шутка. Даже опасная шутка. Опасная, потому что она задевает женское самолюбие и напрочь принижает чувство собственного достоинства.

— Ты обратилась не по адресу, — отрезала я ледяным тоном. — Тебе нужно воспользоваться услугами проститутки.

— Нет. Только не это.

Девушка развела руками и посмотрела на меня глазами, полными мольбы.

— Я никогда в жизни не общалась с проститутками. Я их боюсь, — произнесла она почти шепотом.

— И зря. Они тоже люди. И даже чьи-то дочери, матери, жены и сестры.

— А почему ты к ним так хорошо относишься?

— Потому что я всегда хорошо отношусь ко всем своим клиенткам, — ответила я с невозмутимым видом.

— Твой салон посещают проститутки?!

— Мои клиентки самых различных профессий. Среди них есть и путаны.

— Бог мой, и мы лежим на одном и том же столе... И даже прическу нам делают одними и теми же инструментами... Предупреждать нужно!

— Все инструменты тщательно стерилизуются. Кстати, ты посещаешь вместе с путанами не только салон интимных стрижек, но и зубного врача, и даже, извините, гинеколога.

Видимо, мои слова прозвучали довольно внушительно, Лидя оставила эту тему в покое и вновь нервно заерзала на стуле. Она делала вид, что не замечает моего раздражения, и никак не хотела сдавать свои позиции.

— Я ожидала именно такой реакции, и никакой другой.

Часть 1

КАК ПОПАСТЬ В ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Человек лежал на холодной земле, изо всех сил пытаясь хоть немного ослабить веревки, туго спеленавшие запястья. Шаги раздавались все ближе, и звук их в пустом заброшенном помещении кирпичного завода усиливался гулким эхом. Самой малости не хватило — пары подписей на бумагах, и эти цеха принадлежали бы ему, а теперь их приберет старый ублюдок Мастиф. Как же так вышло, кто сдал обстоятельства сделки этому упырю, подмявшему под себя половину города? Кто посмел доложить ему, что кавказец-коммерсант средней руки, занимавшийся до сих пор торговлей китайским ширпотребом, решил обосноваться на территории, негласно принадлежащей группировке Мастифа? Проклятая жадность, ведь его не раз предупреждали — заплати хозяину за «крышу», и живи спокойно. Так ведь нет — решил сэкономить пару тысяч долларов!

Теперь уже поздно размышлять об этом, судя по всему, жить осталось совсем недолго — Мастиф не задумается, ему не впервой решать свои проблемы с помощью силы.

— Ну, здоров, что ли, партизан! — весело поприветствовал пленника невысокий, лысый старик в длинном коричневом пальто. — Боцман, ну-ка, стульчик мне! — это относилось к молодому здоровенному парню, безмолвно остановившемуся в шаге за его спиной.

Тот моментально разложил походную табуретку и поставил ее неподалеку от связанного. Мастиф сел, задумчиво оглядел помещение и протянул, словно обращаясь к самому себе:

— Хорошее место, тихое. Вот это и будет последним камнем в наших отношениях, да? — Нога старика в дорогом ботинке ткнула мужчину в лицо. — Зацементируем, так сказать, на века! Что пробормочешь в оправдание, баран? Кто надумил тебя полезть со своим уставом в мой монастырь, а? Решил обойти меня?

— Мاستиф... так дела не делают, ты же знаешь, — облизав сухие, потрескавшиеся губы, пробормотал коммерсант. — Это мой завод...

— Да? — совершенно натурально удивился старик. — А как так получилось, Рифат, что я этого не знал? Это моя территория, и чужакам здесь не место! А ты, значит, дела делать за моей спиной хочешь?

— А кто ты такой, чтобы решать, кому место, а кому нет? — Рифат вдруг потерял всякий страх. Понимая, что в живых все равно не оставят, так хоть высказаться напоследок и умереть мужчиной, а не трясущимся ничтожеством.

— Кто я? Боцман, объясни.

Кроссовок парня врезался в бок, прямо в печень, боль ослепила Рифата, дыхание остановилось, а Боцман, рывком подняв пленника с земли, ударил еще и под ложечку.

— Остынь, забьешь! — лениво приказал Мاستиф, прищурив желтоватые лисьи глаза. — Теперь понял?

Коммерсант хватал ртом воздух, стараясь хоть как-то прийти в себя:

— Нечего понимать! Много ты о себе возомнил. Пора о вечности думать, на покой удаляться... старый ты, а все крутого изображаешь. И ведешь себя, как баба — за копейки давишься...

— Как баба? — закатился мелким, дробным смехом старик. — Было бы так, как ты сказал — разве смог бы я удерживать под контролем полгорода? Да не родилась еще такая баба, которой это по силам! Кончай его, Боцман! — велел он, поднимаясь со стула.

— Ты... ты еще... вспомнишь меня... — прохрипел Рифат прежде, чем ладонь Боцмана перебила ему горло.

— Эй, уберите мусор! — крикнул Мастиф стоящим поодаль двоим молодым быкам в кожаных куртках.

Те приблизились к труп, взяли за ноги и потащили в соседний цех, где еще вчера была приготовлена глубокая яма — будущий «постоялец» копал ее собственноручно, готовя себе последнее пристанище.

Боцман проводил процессию взглядом, свернул табуретку и пружинящей походкой вышел из здания, догоняя своего босса. Мастиф, открывая дверцу черного «шестисотого» «мерса», снова засмеялся:

— Ты слышал, сынок? Тварь горная, на кого пасть открыть посмел! «Как баба!» — передразнил он мертвого уже коммерсанта. — Поехали отсюда, Череп, — усевшись в машину, поторопил он сидящего за рулем водителя.

«Черт, как же я ненавижу эти ночные дежурства! Все нормальные люди спят дома в своих постелях, а я вынуждена корчиться тут в кабинете на жестком диване, ожидая очередную «Скорую помощь». Кого она привезет в следующий раз — загадка. Как же мне надоело это все...»

Молодая женщина лет двадцати шести отошла от окна и опустила в большое кожаное кресло, взяв со стола пачку сигарет и зажигалку. Марина Викторовна Коваль, самая молодая в когорте заведующих отделениями в городской больнице скорой помощи, задумчиво закурила, скрестив длинные ноги на краю огромного стола, и тяжело вздохнула. Так сложилось — карьера пошла в гору сразу после института, едва только она успела овладеть (ну, или почти овладеть) профессией. Женщина-нейрохирург — экзотика, но ей всегда нравилось быть не такой, как все. Однокурсницы становились гинекологами, терапевтами, косметологами, и только одна Коваль неожиданно для всех оказалась в группе будущих хирургов, а затем прошла специализацию по нейрохирургии. Вот уже полгода Марина заведовала отделением, в которое пришла еще санитаркой. А дежурства брала не от недостатка денег, а скорее, от невостребованности. Дома особенно никто не ждал, если не считать собаки. Афганец Клаус, хоть и не человек, но порой казался Марине умнее некоторых подчиненных. Вот как-то так — удачная во всех отношениях карьера и экзотическая личная жизнь. Сейчас ее это уже не волновало, привыкла.

Телефонный звонок опять отвлек от размышлений:

— Нейрохирургия, Коваль.

— Привет, — хрипловато сказала трубка. — Работы нет? Приходи, жду.

На том конце отключились. Женщина послушно встала, поправила халат, волосы, подкрасила губы. Стараясь не стучать каблуками, прошла мимо поста. Так и есть — дежурная сестра спит сном праведницы. Марина забарабанила пальцами по столешнице:

— Подъем, Ирочка! Во сне жизнь проходит!

Сестричка с перепугу дар речи потеряла — еще бы, заведующая поймала на нарушении распорядка!

— Извините, Марина Викторовна, я ж через ночь дежурю...

— Ладно-ладно. Если что — я по мобильнику.

— Да, Марина Викторовна.

Кажется, ни для кого уже не секрет, в том числе и для сестер, куда периодически отправляется во время дежурства Марина Коваль. В первую травму, естественно. Больше ее нигде не ждут с таким нетерпением...

Спустившись на два этажа и пройдя по темному коридору, Марина оказалась перед дверью ординаторской. Поправив выбившуюся прядь, вошла. Там царил интимный полумрак. На диване, развалившись, сидел с чашкой кофе и сигаретой Денис Андреевич Нисевич, темноволосый, черноглазый красавчик с бледным лицом и тонкими губами. Он прекрасно знал себе цену, пользовался повышенным вниманием со стороны почти всех женщин в больнице, но возле себя хотел видеть только Коваль. Только она могла быть его женщиной.

— Что так долго? — поинтересовался он.

— А ты заждался? — парировала Марина, садясь в его кресло и закуривая сигарету.

— Не начинай! — попросил он. — Мы две недели не виделись, ты разве не соскучилась, а?

Как всегда, он был прав. Она скучала по нему безумно, просто как больная, эти две недели были бесконечны. Пора было прекратить играть.

Затушив сигарету в его пижонской бронзовой пепельнице, Марина посмотрела на своего любовника:

— Как твои дела, Денис?

— У меня все как обычно, — откликнулся он, отпивая кофе из чашки. — Где ты-то пропала?

— Депрессия, Дэн. Лежала дома и выбирала способ самоубийства.

— У тебя странный юмор, я иногда не понимаю, шутишь ты или серьезно говоришь.

Когда-то давно, еще на втором курсе мединститута, они с Денисом Нисевичем едва не поженились, но вот не случилось как-то. Потом разошлись и спустя годы встретились вновь в этой больнице. Он — талантливый травматолог, хорошо владеющий своим делом, она... Как говорится, кто-то имеет талант, а кто-то честолюбивое стремление к власти. У Коваль преобладало последнее, хотя врачом и она была неплохим.

Их снова повлекло друг к другу, и уже через три месяца они стали любовниками. Марина, конечно, знала, что у него

есть жена и сын, но разве здесь есть проблема? Дениса же это никак не угнетало. Он подгадывал график дежурств так, чтобы смены у них совпадали, как сегодня. Вообще для него ситуация была благоприятная — не надо врать жене, не надо искать пустую хату, наконец, на Марине не надо жениться.

— Ну, что же ты? — вывел из задумчивости хрипловатый голос.

В ответ на реплику она встала с кресла, расстегивая пуговицы халата, под которым, кроме белья, была только короткая шелковая юбка. Сбросив одежду на пол, Марина осталась в малиновом кружевном белье.

Денис отставил чашку, протянул руку и уложил женщину на диван. Ее голова оказалась где-то внизу, и он неловко согнулся, чтобы достать до губ. Потом медленно расстегнул лифчик...

В такие моменты Коваль готова была простить ему все его странности и причуды. Лучшего мужчины у нее не было, хотя опыт по этой части имелся, и довольно неплохой. Но такого, как с Нисевичем, она не испытывала ни с кем. Хотя были в этих отношениях моменты не просто неприятные — страшные.

...Потом она лежала на диване и курила, а Денис сидел напротив и наблюдал. Ей всегда казалось, что он изучает ее, словно какое-то животное — как она лежит, как сидит, как потягивается...

— Красивая ты все-таки, Коваль! — вздохнул Денис, не отрывая от нее своих черных глаз.

— Почему «все-таки»? — спросила она, затягиваясь сигаретой.

— Потому что я почти десять лет пытаюсь найти в тебе изъян, и не могу. Почему ты тогда не вышла за меня, а?

— Господи, Денис, ну хватит уже! Сто раз обсудили все. Во-первых, ты не особенно настойчиво звал меня замуж. А во-вторых, что хорошего вышло бы из нашего брака, скажи? Ты гулял бы от меня, я, возможно, тоже... Разве нам плохо так, как сейчас? Нет обязательств, обещаний...

Он опять вздохнул, подошел к дивану и лег рядом с Мариной, крепко прижав к себе.

— А я жалею. И не гулял бы я от тебя, зря ты.

— Ой, вот только не надо сказок! — засмеялась она. — Ты же блудливый котяра, Денис, ты не можешь довольствоваться одной женщиной. Давай не будем об этом.

Они снова занялись любовью, но тут завершал мобиль-

ник, и Марина, с неохотой оторвавшись от Нисевича, взглянула на дисплей. Поднявшись с дивана, начала одеваться. Денис недовольно наблюдал за ее манипуляциями.

— Вызывают?

— Да, в отделении что-то.

— Возвращайся, — попросил он.

— Ну слушай, я же не могу туда-сюда бегать! — возмутилась она, но Нисевич, крепко взяв ее за руку, повторил:

— Возвращайся, я тебя прошу.

— Хорошо,пусти.

Она поцеловала его в щеку и пошла к себе.

В отделении царил бардак — в «интенсивке» стало плохо больному, сестры бегали, как ошпаренные. Зайдя в палату, Коваль рявкнула на дежурную:

— Что за базар? Первый раз эпилептический приступ видите? Измерьте давление и два реланиума в вену медленно.

Забрав со стола историю болезни, она ушла к себе в кабинет, сделала запись. Через тридцать минут, вернувшись в палату и убедившись, что больной дышит ровно и глаза больше не закатывает, пообещала медсестре внеочередной зачет по эпилепсии и удалилась в первую травму.

Нисевич по-прежнему лежал на диване, но уже в синей хирургической робе.

— Что там у тебя?

— А, все нормально. Сестра молодая, два месяца всего работает, а ее на «интенсивку» поставили. Завтра порву старшую.

Марина села на диван рядом с Денисом. Его лицо выражало недовольство.

— Перестань, — попросила она, целуя его в щеку. — Ведь я на работе, у меня шестеро тяжелых.

Он обнял ее, пригнув голову к своей груди.

— Я вот думаю, а вдруг ты замуж соберешься? — спросил он неожиданно. — Что мне делать тогда? Я не хочу делить тебя ни с кем.

— Но я же делю тебя с твоей женой! — пожалла плечами Марина. — Между прочим, она моложе меня

— Ну и что? — поморщился Денис. — При чем тут это? И вообще... Хочешь, я уйду от нее?

Это было неожиданно и даже где-то лестно. Но увы — подобные жертвы Коваль никогда не были нужны.

— Зачем? Чтобы потом всю жизнь мучиться угрызениями

совести и еще меня заставлять? Я никогда не была третьей и сейчас не хочу.

— Да, конечно — ты всегда первая, во всем! — с досадой произнес Нисевич. — И в работе, и в постели! Куда уж нам, простым смертным!

— Мы сейчас опять поругаемся. Может, прекратишь? — поинтересовалась Марина. — Ведь это ты завел разговор о разводе, не я. Мне ничего не нужно, ты ведь знаешь. Меня и так все устраивает.

Нисевич вскочил с дивана, развернул ее к себе лицом и быстро зашептал, едва не срываясь на крик:

— Что тебя устраивает?! Вот эти... случки на диване в ординаторской тебя устраивают?! Да про нас два отделения анекдоты рассказывают: мол, Нисевич и Коваль такое на дежурстве творят...

— Так вот что тебя расстроило? — насмешливо спросила она. — По-моему, это должно волновать больше меня, чем тебя. А к твоему имиджу это только добавляет плюсов.

— Каких, к черту, плюсов! Мне тебя жалко, ведь это о тебе шушукаются за спиной твои же доктора! А ты даже не замечаешь!

Но Денис не открыл ей Америку — она все прекрасно знала и без него. Ее подчиненные, сплошь мужики за тридцать, просто из себя выходили. Еще бы, их стерва-заведующая предпочла любому из них рядового травматолога! Не было случая, чтобы на посиделках в отделении кто-то из них не попытался подкатить к Коваль с интимным предложением. Правда, всегда безрезультатно. На планерках она отчетливо читала по их лицам, какие желания испытывают они по отношению к своей начальнице, и ее это очень забавляло.

Марина погладила Дениса по лицу, он перехватил ее руку, прижался к ней губами.

— Прости, что-то я истерю сегодня, — попросил он. — Я устал от этого раздвоения, устал разрываться между тобой и женой...

— Так давай прекратим встречаться, — пожала плечами Марина, встрянув рассыпавшимися по плечам темно-русые волосы. — В чем проблема?

— О, господи! — простонал Нисевич, хватаясь за голову. — Ну почему ты такая? Неужели ты не понимаешь, что я не могу отпустить тебя, я слохну просто...

— Прекрати, — попросила она. — Это начинает смахивать

на мексиканский сериал. Давай без надрыва — устал, значит, пора расставаться.

С этими словами Марина вырвалась из его рук и ушла.

До утра ее больше никто не беспокоил, и Коваль успела даже вздремнуть. На утренней планерке дежурных врачей Нисевича не было — наверное, не захотел видеть любовницу, чтобы самолюбие опять не пострадало. В отделении Марина, как и собиралась, сделала нагоняй старшей сестре за плохой подбор смены. Пожилая Ольга Борисовна отбивалась:

— Вы же знаете, Марина Викторовна, сестер не хватает. Кто есть, того и ставлю!

— В смене должна быть хоть одна опытная сестра! — отрезала та. — Почему заведением должна собственноручно снимать элементарный приступ у больного? Может, мне заодно и градусники раздавать? И анализы тоже я могу забирать, раз уж нет сестер! Вам ясен смысл моих требований, дорогая Ольга Борисовна?

— Вполне! — огрызнулась старшая.

— Ну, вот и договорились! Принесите мне график дежурств на этот месяц, я сама его переделаю.

Марина повернулась к телефону, давая понять, что у нее все. Старшая вышла из кабинета, плотно закрыв дверь, а Коваль удовлетворенно улыбнулась — как обычно, настояла на своем.

Постучали.

— Да, входите, — откликнулась Марина, убирая в папку истории поступивших за ночь больных.

— Марина Викторовна, уже девять, пора на планерку к главному, — в дверях стоял Игорь Гринев, молодой ординатор, жутко блатной, как говорили.

Марине навязали его три месяца назад, в нагрузку, так сказать, к ее собственному назначению. Она отчаянно сопротивлялась, брать не хотела, но пришлось — надавил главный врач. Мальчик был не то чей-то сын, не то племянник, коротче, отделаться от него Коваль не смогла.

При всей своей бестолковости в медицине вообще и в нейрохирургии в частности, он быстро стал любимчиком у медсестер — вовремя хихикнет, вовремя комплимент скажет, не побрезгует помочь, если надо. Словом, душка. Он и заведующей все время пытался оказывать знаки внимания — то кофе сварит, то сигареты купит именно те, что она предпочи-

тает, то, как сейчас, напомнит о планерке или совещании. Сладенький такой пупсик. Марине же в его присутствии всегда почему-то хотелось соленого огурца...

— Спасибо, Игорь Васильевич, — отозвалась она, с сожалением вставая из кресла, в котором так удобно расположилась, собираясь выпить чашку утреннего кофе. — Доктора собрались уже?

— Да, вас ждем.

Марина взяла папку с историями и вышла в коридор. Там ее ждали шестеро мужчин в хирургической робе. Они все вместе пошли в актальный зал, где проводил планерки главный врач. Народа было уже полно, почти все собрались и в ожидании начала трепались о том о сем. Перемывали косточки, обсуждали надвигающиеся выходные, похохатывали.

— О, а вот и королева со свитой! — пошутил заместитель по хирургии, полный, страдающий одышкой Лесовой, когда Марина со своими докторами вошла в зал.

— Простите, задержалась, — произнесла Коваль, улыбаясь в ответ на шутку.

— Ну конечно, корону никак найти не могла! — пробурчал кто-то из сидящих.

Марина даже бровью не повела — ее эти разговоры никогда не задевали. Нейрохирурги расселись, кто где мог, но Коваль почему-то опять оказалась одна в мужской компании — такое удивительное свойство было у нее, даже сама не могла объяснить, как это происходит. Поймав на себе чей-то взгляд, Марина слегка повернула голову — чуть правее, ряда через три, сидел Денис, бледный, с кругами вокруг глаз. Она отвернулась, вздернув подбородок, и сделала вид, что с интересом слушает бормотание главного о фактах нарушения трудовой дисциплины.

После планерки, когда в тесном тамбуре образовалась очередь, Денис пробрался к ней и непринужденно сказал:

— Доброе утро, Марина Викторовна! Прекрасно выглядите, впрочем, как всегда.

Со стороны никто и не подумал бы, что сегодня ночью они до изнеможения занимались любовью. Конспиратор! Марина в ответ тоже слегка кивнула:

— Спасибо за комплимент, Денис Андреевич.

Он ее за локоть, отводя к лифту:

— Можно вас на пару слов? Мне нужна консультация...

С этими словами он запихнул женщину в открывшуюся дверь лифта, нажал «вниз».

— Ты что, спятил? Что ты делаешь? — возмущенно спросила она, пытаясь освободиться.

— Молчи, молчи, — бормотал он, срывая с нее халат.

— Денис, опомнись, мы в лифте! — отбивалась Марина, но Нисевич заклинил дверь зажигалкой.

— Не бойся, этим лифтом очень редко пользуются...

Он продолжал сдергивать с нее немногочисленные тряпочки до тех пор, пока она не осталась в одних туфлях.

— Господи, на что ты меня толкаешь, сучка, — выдохнул он, прижимая Марину к стенке и покрывая ее тело поцелуями. — Никогда, слышишь, никогда не смей уходить от меня!

Он развернул ее спиной к себе и все повторял в такт своим движениям:

— Не смей, я не позволю, ты моя, ты только моя...

Когда все закончилось, опустился на пол и закрыл руками голову. Марина продолжала стоять к нему спиной, вся влажная, пахнущая его запахом... Потом, нагнувшись, поднимая с пола лифчик, случайно коснулась грудью рук Нисевича. Этого оказалось достаточно, чтобы он, дернув ее к себе, повторил свой эксперимент.

— Денис, ты безотказен, как автомат Калашникова! — пошутила Коваль, сидя у него на руках лицом к лицу. Он блаженно улыбался, бродя губами по ее телу. — Что ж ты делаешь со мной, а? — спросила она, беря его за подбородок. — Ты трахаешь меня в лифте, как будто я «дорожница» какая, а не заводделением. Это уже слишком, тебе не кажется?

— Нет, — произнес он, не открывая глаз. — Это моя эротическая фантазия.

— Обалдеть! — засмеялась Марина. — И много у тебя таких? Просто чтобы знать, к чему готовиться?

— Ты и сама прекрасно знаешь, Коваль, — ответил Денис, помогая ей встать и одеться. Украдкой проведя рукой по ставшему влажным кружеву трусиков, он удовлетворенно улыбнулся:

— Теперь я весь день буду с тобой...

— Нисевич, ты извращенец!

Он вынул из двери зажигалку, нажал кнопку этажа.

— Как я выгляжу? — спросила Коваль, подкалывая волосы кверху массивной заколкой

— Отлично, но не вздумай переодеться, — прошептал он ей на ухо. — Я найду и проверю.

— Дурак ты, — вздохнула Марина, выходя на своем этаже.

Сделав надменное лицо, она прошла к себе в кабинет походкой человека, у которого все в порядке. И уже там, закрыв дверь, опустилась в изнеможении на стул, едва не плача. «И куда заведет меня этот роман? Почему я никак не могу найти в себе силы, чтобы покончить с этим?»

Денис просто спятил. Его игры становились все опаснее, все сильнее затягивали и его самого, и Марину...

Она едва успела привести себя в порядок, как в кабинет вошла старшая сестра с графиком дежурств в руке и, молча положив его на стол перед заведующей, пошла к двери.

— Ольга Борисовна, — окликнула Марина. — Не надо так демонстративно! Я просто хочу, чтобы врачей на дежурстве не дергали по вопросам, которые сестры в состоянии решить и сами. Это понятно?

— Понятно! — с вызовом ответила старшая. — Непонятно только, чем таким важным бывают заняты врачи, что не все-гда могут сразу к больному подойти!

Она уставилась на Коваль, но та глаз не опустила — уж что-то, а объясняться с подчиненной не собиралась.

— А что вы, уважаемая Ольга Борисовна, скажете по поводу того, что наши девочки спят на посту без зазрения совести? — поинтересовалась Марина, закуривая. — Насколько я помню, у нас с правом сна работают только санитары. Или меня подводит память?

Старшая сникла — разговор пошел не в то русло, на которое она рассчитывала.

— Я разберусь, — пообещала она.

— Да уж будьте добры! Тем более, что это ваша обязанность, — подхватила Коваль, наслаждаясь очередной победой.

Старшая вышла, и вскоре Марина удовлетворенно услышала, как она орет на девчонок на посту. Ничего, пусть знают. Коваль позвали в перевязочную, она быстро сменила туфли на сабо без каблука, взяла маску, колпак. Влажное белье мешало, но переодеться было не во что. Чертов Денис, теперь только об этом и придется думать!

...Закончив с перевязками, посмотрев нового больного и отказавшись от обеда в ординаторской, Марина закрылась в

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Шилова. ОХОТА НА МУЖА, ИЛИ ЗАГОВОР ПРОКАЗНИЦ	5
М. Крамер. ЧЕРНАЯ ВДОВА. УЧЕНИЦА АЛЬ КАПОНЕ	265